

Встреча

по вашей просьбе

Зритель меня понимает

С известным сатириком и пародистом **Александром Александровичем Ивановым** мы встретились в канун Дня Воздушного Флота СССР. И потому первый вопрос, который мы задали ведущему передачи «Вокруг смеха», звучал так:

— Возникает ли у вас желание откликнуться на призыв «Летайте самолетами Аэрофлота!»?

— Мне незачем декларировать свои желания — я летаю исключительно самолетами Аэрофлота: выбора-то нет, даже за границу летаешь самолетами отечественной авиакомпании. Я не хочу ничего плохого сказать о тружениках воздушных дорог — это милые, симпатичные люди, работающие, добрые, они, конечно, не виноваты в царящих в Аэрофлоте порядках: ведь не может быть, чтоб все было плохо, а в Аэрофлоте хорошо. Или все везде ужасно, а в здравоохранении хорошо. Поэтому я откликаюсь на названный вами призыв и постоянно летаю самолетами Аэрофлота. Уже всю страну облетал.

— Как вам живется в эпоху гласности?

— Сейчас сатирикам стало трудно работать. Раньше он выходил на сцену, давал легкий намек, а если еще была политическая подоплека — сразу все думали: о, какой смелый! А сейчас такое в жизни творится! К примеру, на одном из февральских митингов в Москве какой-то пожилой человек нес плакат: «Лучше склероз, чем такая «Память!»». Что этому может противопоставить профессиональный сатирик?

За 27 лет своей работы я никогда не выступал ради того, чтобы рассмешить, всегда пытался сформулировать серьезную мысль.

— Вас в последнее время нечасто увидишь на телеэкране. Чем это объяснить?

— Выступать стал меньше. Много времени уходит на чтение, ведь появились горы литературы, которую надо прочитать. Да и чувствую себя хуже. Даже поймал себя на мысли, что мне как-то не до юмора после того, как смотрел последние полтора года заседания Верховного Совета СССР — не могу понять, что же происходит? Каждый день включал телевизор и говорил себе: «Ну, вот сегодня... Ну, сегодня». И — ничего.

Этим летом я был в Болгарии, у меня

там много знакомых, друзей. Смотрю, народ какой-то возбужденный.

— Вы какие-то вздрюченные, другари, — говорю друзьям.

— 5 месяцев, как свергли диктатуру — и ничего...

— 5 месяцев! У нас 5 лет — и тоже ничего...

Есть только два пути: один — по которому мы шли, второй — тот, другой. Третьего нет! И я боюсь, что мы опять пойдем по третьему пути, которого нет.

— Этой тревогой проникнуты ваши выступления на эстраде. Скажите, вы всегда говорите правду?

— Вопрос, конечно, интересный. В быту, увы, не всегда. Всем нам время от времени приходится лукавить и обманывать. Но если говорить серьезно, по большому счету, то я всегда говорил правду. А когда это было нельзя (а это было практически всегда, всю мою жизнь), то молчал или разговаривал с двумя-тремя своими ближайшими друзьями. В этом смысле я сейчас оказался в несколько привилегированном, что ли, положении. Неожиданно. Потому что некоторых прорабов перестройки (все мое сочувствие, конечно, на их стороне) быстро ловят: «А вот вы в 1969 году... А вот вы книгу писали... А вот вы сказали... А вот ваши позиции...». И приходится им вжимать голову в плечи. Кое-кто хочет найти и в моей биографии какие-то высказывания... Но я всегда занимал крайне радикальную позицию, даже крайне леворадикальную. И потому вызывал раздражение. Но, с другой стороны, я не хочу изображать из себя героя: в противостоянии я тоже не участвовал. Не был ни правозащитником, ни диссидентом. Чего не было — того не было.

— Скажите, как вы считаете: есть в мире вечная любовь?

— Вы имеете в виду любовь к женщине? Потому что есть еще любовь к вкусной еде, природе... Я вам скажу, жизнь не вечна, наверное, нет и вечной любви. Сказать, что у меня было что-то такое сверхстрастное в жизни, нельзя. Но был у меня друг, у него была любимая женщина. Он умер, а она не вынесла этого, выбросилась из окна. В наше время это редчайший случай, но как видите, бывает.

— Когда вы в последний раз хохотали от души?

— Говорят, что профессиональные сатирики угрюмы. Вот и я не могу сказать, что являюсь весельчаком. В обществе чаще держусь в тени, не являюсь душой общества. Но если смешно, то смеюсь от души.

— Как вы относитесь к нынешним временам?

— Сейчас время сложное, для многих трагическое. Но хорошее, интересное. Я недавно побывал в Штатах. Нас с женой пригласили туда на отдых. Провели две недели под Нью-Йорком. Все есть, полное благополучие, изобилие, спокойствие. Но скукота!.. Никаких проблем. Бизнес, например — там можно прогореть. Но чтоб достать пачку макарон — нет проблем.

— Разве это так уж плохо?

— Нет, прекрасно. Но советскому человеку там скучно.

Вот я на Украину прибыл сейчас, прилетел самолетом Аэрофлота. Вечером приду, включу телевизор. Поскольку во мне значительная часть украинской крови, украинский язык понимаю.

— А вы хорошо знаете свою родословную? Были ли у вас в роду юмористы?

— Моя родословная была утрачена сразу же после революции. Стараниями родителей, потому, что кто-то из моих прадедушек был сфотографирован с одним из великих князей. Могу сказать, что во мне значительная часть украинской крови. Родители жили в Новгороде-Северском. Так что на Украине я часто бываю.

— Ваша творческая судьба складывалась удачно?

— Вообще-то да, удачно.

— А ваши литературные противники?

— Вы знаете, противник есть противник. Как-то я очень резко отозвался в печати об одном коллективном сборнике, написал ряд пародий на некоторых поэтов. Один, обидевшись, перестал со мной здороваться, написал реплику в «Наш современник». Мы с ним долго не встречались и вдруг встретились на литературном вечере. Я прочитал в его глазах вопрос: как вы, что...? Я протянул ему руку, он очень обрадовался, и с тех пор у нас все идет нормально.

Еще один пример: мы старые литературные противники с Вячеславом Кунаевым, главным редактором журнала «Наш современник». Я написал на его стихи массу пародий, он неоднократно писал обо мне всякие неприятные статьи. И вдруг недавно мы с ним столкнулись. Он не стал со мной здороваться. Но я тогда сказал ему: мы же с тобой не враги. Другими мы не стали, позиции у нас разные, но тем не менее отношения наши наладились.

— Где вас чаще всего посещает Муза?

— Человек свободной профессии работает везде и все время — сидит ли он в машине, ест ли, мысль его подспудно работает. Мне хорошо пишется дома. Некоторые дома работать не могут, им обязательно надо ехать на дачу, за город.

— Что вы предпочитаете — письменный стол или сценическую площадку?

— Второе. Приятно, когда от зрителя идут токи взаимопонимания с тобой.

Л. СТУКАЛИНА.

Фото С. СКРЯБИНОЙ.